

Д.В. Портнягин
Курганский государственный университет,
Курган

АНТИВОСПИТАНИЕ ПРИНЦА В «ДУХОВИДЦЕ» ШИЛЛЕРА

Аннотация. *Статья рассматривает механизм процесса нравственного разложения, переживаемый главным героем романа Фридриха Шиллера «Духовидец». Уже поверхностный анализ взглядов Принца в романе обнаруживает автобиографические мотивы и связи с проблематикой философских сочинений Шиллера.*

Ключевые слова: Шиллер, «Духовидец», антивоспитания роман, художественная проза.

D.V. Portnyagin
Kurgan State University, Kurgan

ANTI-EDUCATION OF PRINCE IN «THE GHOST SEER» BY SCHILLER

Abstract. *The article examines the mechanism of the process of moral decay, experienced by the main character of Friedrich Schiller's novel «The Ghost-Seer». The superficial analysis of Prince's views in the novel reveals autobiographical motives and connections with the problems of Schiller's philosophical works.*

Key words: Schiller, «The Ghost-Seer», anti-education novel, artistic prose.

Проблеме нравственного развития главного героя – Принца – в романе Шиллера уделено настолько много внимания, что это позволило некоторым исследователям поставить «Духовидец» в один ряд с классическими образцами «романа воспитания»: «Агатом» («Agathon», 1766) Виланда и трилогией о Вильгельме Мейстере И. – В. Гёте. Наиболее подробное описание морального становления Принца читатель встречает в начале второй книги «Духовидца». Особенности этого процесса берут своё начало в детских годах главного героя. В описании детских лет Принца видны автобиографические для Шиллера мотивы:

Граф фон О*** о Принце:

«... Чёрной, как ночь, была юность нашего принца; радость изгонялась даже из его игр. Во всех его представлениях о религии было что-то устрашающее, и её грозный, беспощадный образ сильнейшим образом владел его пылким воображением и удержался в нём надолго. Его бог был страшилищем, карающей десницей; вера в него – рабским трепетом или слепой покорностью, подавляющей всякую силу и смелость. Всем его детским и юношеским страстям, вспыхивающим с особой силой благодаря мощному телу и цветущему здоровью, религия преграждала путь; со

всем, что было дорого его юному сердцу, она вступала во вражду; никогда не ощущал он религию как благодать, всегда она становилась бичом его страстей. И в нём постепенно разгорался против неё затаённый гнев, странно сочетаясь в душе его и в разуме с благоговейной верой и слепым страхом, – это было сопротивление владыке, перед которым он в равной мере испытывал отвращение и трепет» [3, с. 592].

Шиллер о себе:

«... Через печальную, мрачную юность вступил я в жизнь, и бессердечное, бессмысленное воспитание тормозило во мне лёгкое, прекрасное движение первых нарождавшихся чувств. Ущерб, причинённый моей натуре этим злополучным началом жизни, я ощущаю по сей день» [2, с. 311].

В одно мгновение, одновременно с утратой веры в чудеса, рушатся и базировавшиеся на религиозном воспитании моральные установки Принца:

«... в нём пробудился такой дух сомнения, который не щадил даже самого святого» [3, с. 593].

«... он вступил в этот лабиринт мечтателем, полным веры, а вышел из него скептиком и в конце концов стал явным вольнодумцем» [3, с. 595].

Суть нравственного процесса, обрисованного Шиллером, можно представить следующим образом: там, где церковные установки превращаются в жестокое порабощение, а разумом овладевают цинизм и скепсис, требуются минимальные внешние воздействия, чтобы свобода духа стала свободой от морали. Таким образом, в «Духовидце» писатель набросал схему воспитания от противного той, которая представлялась ему целесообразной и которая окончательно будет оформлена у него позднее, в 1793-95 годах, когда он займётся «Письмами об эстетическом воспитании человека». В связи с этим вернее будет говорить не о воспитании Принца, а о его развращении, так как Принц страница за страницей теряет свои моральные качества. Шиллер методично анализирует, как философская софистика со своим кажущимся изяществом и «блестящими» аргументами употребляется в практических ситуациях для оправдания неблагоприятных поступков и подтачивает самый стержень человеческой природы. Способствуют процессу расшатывания морали и враждебные внешние обстоятельства: беспорядочная жизнь, лесть, долги, ложные друзья и предатели-слуги. К чести Принца надо сказать, что за бесконечными прогулками, развлечениями и опасным соревнованием в роскоши скрывается лихорадочный поиск своего места и цели в жизни. Нерешённость этой задачи мучает Принца, он вынужден бежать от реальности, зачастую обретая в сиюминутных наслаждениях не столько счастье, сколько забвенье:

«... неужели мы должны совсем отказаться от счастья? Если нам не дано черпать радость прямо из чистейшего её источника, неужели нам нельзя обмануть себя хотя бы искусственными наслаж-

денями, получить из той же руки, что обездолила нас, хотя бы слабую награду взамен? [...] А что, если я искал прибежища в этом смятении чувств, дабы заглушить внутренний голос, составляющий несчастье моей жизни, успокоить чрезмерно пылкий ум, который хозяйничает в моём мозгу, как острый серп, срезая каждым новым открытием ещё одну ветку с моего счастья? [...] Когда всё, что было и что будет, погружено для меня во мрак, прошлое, как окаменелое царство, в печальном однообразии тянется позади меня, а будущее не сулит ничего хорошего, когда я вижу, что всё моё бытие замкнуто в тесном кругу настоящего, – кто может упрекнуть меня, что я ловлю этот скудный подарок судьбы – сегодняшний миг и жадно, ненасытно, как друга перед вечной разлукой, заключаю в свои объятия?

– Сиятельный принц, раньше вы верили в вечное добро...

– О, сделайте так, чтобы я мог осязать этот призрак, и я с охотой заключу его в жаркие объятия! Но что за радость дарить счастье призракам, которые исчезнут завтра вместе со мной? Везде вокруг меня всё мчится, всё летит. Везде толчея, каждый хочет оттеснить соседа и, торопливо выпив хоть каплю из источника бытия, тут же отойти, так и не утолив жажды. Сейчас, в тот миг, когда я радуюсь своей силе, чья-то грядущая жизнь уже ожидает моего тления. Покажите мне что-нибудь вечное, нетленное, и я стану на путь добродетели.

– Что же вытеснило у вас благородные чувства, которые когда-то были радостью вашей жизни, её путеводной звездой? Сеять ростки для будущего, служить высокому и вечному идеалу...

– Будущее! Вечные идеалы! Если отнять то, что человек нашёл у себя в душе и приписал воображаемому божеству как цель, в природе, как закон, – что у нас останется?» [3, с. 612-613].

Мироощущению Принца стал присущ фатализм:

«... Я похож на гонца, несущего запечатанное письмо по назначению. Что в этом письме – ему, может быть, и безразлично, – он должен только получить плату за доставку, и всё!» [3, с. 614].

Преданность моменту и мимолётным жизненным переживаниям приводят к этическому натурализму:

«... Я хотел пасть, чтобы уничтожить все силы, питавшие источник моих страданий» [3, с. 615].

Приведённые выше цитаты взяты из так называемой <Философской беседы> в 4 письме барона фон Ф***. Правда, точнее было бы говорить об остатках от <Философской беседы>. Дело в том, что беседа Принца с бароном вошла в окончательную книжную редакцию «Духовидца» в сильно урезанном виде, – урезанном настолько, что немецкие академические издания предпочитают сопровождать основной текст романа приложением в виде полного текста этого теоретического отступления (который был в журнальном варианте).

Русский перевод данного философского этюда не обнаружен; вошедший в основной текст романа вариант начинается со слов Принца «Значит, по-вашему...» и до конца письма.

В связи с <Философской беседой> возникают, по крайней мере, два вопроса: во-первых, в чём суть нового мировоззрения Принца, во-вторых, почему автор подверг в итоге такому радикальному сокращению философский диалог в своём романе?

Касательно первого момента можно сказать следующее. Принц проповедует новую для него систему моральных взглядов, весьма далёкую от помыслов о Боге и о Вечном. В его мировоззрении переплелись присущие ещё юному Шиллеру мысли о бренности всего земного, гедонизм в духе Гейнзе, индивидуалистический эвдемонизм и солипсизм. Высказывания Принца отражают внутренний кризис, перенесённый самим Шиллером. Однако последовавший за этим в жизни автора душевный подъём весной 1789 года плохо согласовывался с мрачным настроением героя. Данное несоответствие вполне могло быть одной из причин того, что Шиллеров интерес к Принцу постепенно угасал, а вслед за этим угасал интерес и к самому произведению. Может показаться странным, как навязчивая идея Принца о ценности сиюминутных земных переживаний, воплощаемая в непрерывных поисках новых удовольствий, тем не менее, оставляет его глубоко несчастным? В своём 3 письме барон, сетуя на то, что поведение Принца очевидно способствует влезанию в долги, пишет:

«... Пускай бы даже производились все эти траты, лишь бы они доставляли моему принцу хоть какое-либо удовольствие! Но никогда он не был менее счастлив, чем сейчас. Он чувствует, что он уже не тот, что прежде, он потерял себя, он собой недоволен и очертя голову бросается в новые развлечения, чтобы забыть последствия прежних» [3, с. 609-610].

Причины такого несчастья Шиллер объяснил в письме Кёрнеру от 9 марта 1789 года:

«... где ты, по-моему, стал на неверную точку зрения, это в своём мнении, будто образ действий принца должен объясняться его философией. Он должен вытекать не из его философии, а из его неуверенного положения между этой философией и культивированными им прежде чувствами, из недостаточности этого рассудочного знания и из происходящей отсюда беспомощности его существа. Твоё заблуждение состоит в том, что ты думаешь, будто эта самая философия должна задавать тон его образу жизни. Напротив, его неудовлетворённость своей философией задаёт этот тон! Его философия, как ты сам нашёл, не имеет цельности, ей не хватает последовательности, и это делает его несчастным, и от этого несчастья он пытается бежать, приблизившись к обыкновенным людям» [2, с. 283].

Относительно постигшей <Философскую бе-

седу> участи представляется двоякая ситуация. С одной стороны, сам автор в своей переписке недвусмысленно давал понять, что он остался доволен тем, как у него вышел этот эпизод:

«... Эти дни я не раз наслаждался работой над моим Духовидцем; но он почти поколебал моё христианство, которое, как известно, не могли поколебать все силы ада. Случайно мне пришлось ввести сюда философский разговор, который необходим мне для того, чтобы вполне выяснить свободомыслеющую эпоху, которую переживает мой принц. При этом у меня зародились некоторые идеи, которые вы там легко найдёте (ибо избави меня Бог от того, чтобы я думал вполне так, как принц в затмении своей мысли); думаю также, что изложение произведёт на вас приятное впечатление своей ясностью» [1, с. 626].

«... Меня удивляет, что ты больше ничего не написал о своих сомнениях по поводу философского разговора в «Духовидце». [...] А в остальном меня радует, что в оценке известных мест твой вкус совпадает с моим, но замысел, осуществлённый в произведении и воплотившийся в новой манере изложения, по-видимому, произвёл на тебя меньшее впечатление, чем я ожидал. Это могло быть от того, что всё это тебе уже не было ново, но я сам, никогда не читающий и не читавший ничего в этом роде, должен был извлекать всё из самого себя. [...] Противопоставь эту философию (само собой разумеется, за вычетом той, которую я должен был придать принцу как поэтическому персонажу) философии Юлия, и ты, наверное, найдёшь её более зрелой и обоснованной» [2, с. 283-284].

Кроме того, учитывая особенное пристрастие Шиллера к философским отступлениям, можно допустить, что если сам автор и придавал вообще какую-либо ценность своему роману, то её он видел не в динамичном развитии действия «посредством завершённых в себе эпизодов», а скорее в подобных <Философской беседе> дискуссиях, которых в романе не так уж много. Тем не менее, Шиллер от издания к изданию всё больше сокращал <Беседу>, при том, что в издании Гёшена 1798 года, третьем по счёту, был добавлен фрагмент, отсутствовавший в первом издании. Данный факт может объясняться несколькими причинами. Прежде всего, переписка Шиллера показывает, что то наслаждение, о котором он говорит сёстрам Ленгефельд в цитируемом выше письме, при работе с «Духовидцем» было скорее исключением, чем правилом. Так как Шиллер работал над романом без особого энтузиазма, предпочитая истории немецкого принца в Венеции, к примеру, работу над переводом Еврипида, то зачастую складывалась ситуация, когда автор должен был в спешке выполнять требования Гёшена, нуждавшегося в продолжении «Духовидца» для очередного номера «Талии». Возможно, находясь в таком положении, Шиллер в одном случае решил «сосредоточить силы своего сердца и ума на подробностях» [2, с. 226] и занять читателя «интересной темой,

изложенной не без мыслей» [Idem.]. Однако, как писатель, Шиллер не мог не сознавать, насколько неорганично выглядела <Философская беседа> в своём первоначальном объёме в контексте общей композиции романа. Кроме того, до писателя могли дойти отголоски отзывов разочарованных читателей, жаждавших продолжения авантюрных событий, ведь <Философская беседа>, при всех её достоинствах, подвергала терпение публики значительному испытанию. Между тем, известно, как высоко ставил Шиллер в то время вкусы читающей публики.

Какие художественные приёмы использовал автор для обозначения возросшей опасности для Принца? Видимо, эту функцию выполняет в романе смена рассказчика. По сюжету, граф фон О*** вынужден уехать из Венеции по срочному делу. Возвращается на родину и лорд Сеймур (Lord Seymour). Таким образом, Принц теряет двух своих ценнейших друзей. Граф входит в «ближний круг» Принца не по должности в его свите, а из-за дружеской симпатии, он, наряду с лордом, один из немногих, кто почти равен ему и по положению в обществе, и по своему развитию и может возражать чрезвычайно упорному в своих склонностях Принцу на его языке. Те же, на кого граф оставил Принца, «... были люди преданные, но весьма неопытные и к тому же чрезвычайно ограниченные своими религиозными убеждениями. Они не могли понять, какое зло творилось, и не пользовались у него никаким авторитетом. Его запутанным софизмам они противопоставляли только догматы бездоказательной веры, которые то бесили принца, то смешили его; благодаря превосходству ума он с лёгкостью отметал все их возражения, заставляя замолчать этих худых защитников хорошего дела. А тем, которые сумели вкратце к нему в доверие, было важно только одно – как можно глубже втянуть его в свою среду. И какие перемены нашёл я в нём, когда в следующем году вернулся в Венецию!» [3, с. 597].

Так, Принц становится заложником собственных, по существу, неплохих, моральных качеств и умственных способностей.

Список литературы

- 1 Шиллер Ф. Собр. соч. в пер. русских писателей / под ред. С. А. Венгерова. – Санкт-Петербург : Брокгауз – Ефрон, 1901-02. («Библиотека великих писателей»). – Т. 4.
- 2 Шиллер Ф. Собр. соч. в 8 т. / под общ. ред. Ф. П. Шиллера. – Москва – Ленинград : Academia – ГИХЛ, 1936-1950. – Т. 8.
- 3 Шиллер Ф. Собр. соч. в 7 т. / под общ. ред. Н. Н. Вильмонта, Р. М. Самарина. – Москва : ГИХЛ, 1955-57. – Т. 3.

References

- 1 Schiller, F. Coll. Op. in the lane of Russian writers / Edited by S. A. Vengerov. – SPb.: Brockhaus-Efron, 1901-02. («Library of great writers»). – Vol. 4.
- 2 Schiller, F. Coll. Op. at 8 (Under the General editorship of F. P. Schiller. Moscow-Leningrad: Academia – GIL, 1936-1950. – Vol. 8.
- 3 Schiller, F. Coll. Op. at 7T / Under the General editorship of N. N. Wilmont and R. M. Samarin. M.: GIL, 1955-57. Vol. 3.